

Распорядиться жизнью можно по-разному. Если, конечно, это в принципе возможно: распоряжаться жизнью. Много было в истории деятелей, стремившихся распоряжаться жизнями, но не своими — других людей. Ничего хорошего не выходит из этого. Немало современников на наших глазах по-хозяйски распоряжаются жизнями — опять чужими: сограждан, клиентов банков, ближайших родственников, политических попутчиков, доверчивых встречных. И опять-таки такая практика не вызывает восторга широких масс населения. А есть совсем небольшая группа людей, которые однажды решают, как распорядятся своей собственной жизнью, и находят в себе силы и мужество свое решение воплотить и расплатиться за него. Вот эти люди вызывают уважение. По крайней мере, у меня.

Яков Наумович Шафран однажды решил, как он распорядится своей жизнью: посвятит ее литературе. Так он и сделал. И благодаря этому решению появились сборники стихов, рассказы и роман, повести и песни, статьи и рецензии — потом. Потом началась работа по организации литературного процесса в богоспасаемом граде Туле, добровольная редакторская ежедневная каторга, постоянная ротация чужих текстов, переписка с авторами и издательствами, заведование редакцией «Приокских зорь», снаряжение в плавание «Ковчега»... Это потом. Сначала было решение. Так он распорядился своей жизнью. Только сам Яков Наумович знает, чем заплатил он за свое решение. Это его дело. *Это его дело.* А наше дело — сказать спасибо за «Жизни стих», за «Лирическую волну», за «Ностальгию» — за все, что сделано.

«Ностальгия»* — последняя по времени выхода в свет книга Шафрана. Сборник стихотворений разных лет, разной стилистики, разного настроения. По этим вот стихам и видно, как человек может распорядиться своей жизнью, как переплавляются в стихи «сердца горестные заметы» и счастливые мгновения, минуты любования природой и общения с любимыми людьми, прочитанные газетные полосы и милый детский лепет.

Мне нравятся эти стихи умением остановить мгновение, передать настроение не столько лирического героя, сколько времени, скажем, времени года. Вот, например:

*У прохожих нынче затуманен взор,
Мыслей ход неспешен, даже шаг не скор.
Словно вся природа медлит, не спешит.
Видно даже время больше не бежит.*

«Это же осень», — скажет любой читатель и не ошибется. Кому из нас не знакомо это замедление бега времени осеннею порой? Кто не повторит за автором «Ностальгии», глядя из окна на городскую толпу:

*Мечутся тени людей,
плавают шляпки зонтов*

*В море дождя и огней,
и вездесущих авто.
Я на балконе стою,
створки окна распахнул.
Осень, напиток твой пью
и, тяжелея, тону.*

Мне нравятся стихи, в которых образ визуализирован, но не прямолинеен, в которых психологизм становится ключом к пониманию произведения:

*Обнаженной женой пред супругом,
Словно в первую брачную ночь,
Перед первыми снегом и вьюгой
Ждать земле уже больше невмочь.*

Безусловно, олицетворение природы в пейзажной лирике Я. Шафрана является и средством выразительности, и отражением своеобразия внутреннего мира автора, для которого лирика любовная имеет не меньшее значение.

Как и прерывистое, неровное дыхание природы, любовь для Шафрана — стихия: подвижная, неуловимая, живущая своей внутренней жизнью, которую человеку вряд ли дано понять:

*Может быть, это день был такой,
Или просто устал я душою —
Ты вчера была вовсе чужою,
А сегодня вновь стала родной.
Может, это березовый сон
Сердце мне обогрел ненароком,
Может, это зеленый тот клен
Так напомнил мне вдруг о далеком.
Может быть, о весенней капели
Загрустила земля в летний зной...
То, что было когда-то в апреле,
Разве больше не будет со мной?*

Любовь не может быть неразделенной, поскольку, обращенная вовне, раскрывает внутренний мир человека. Внутренний мир лирического героя поэзии Я. Шафрана изначально ориентирован на эмпатию, наделен такой силой любви, которой хватит на двоих влюбленных. Вот несколько строк в подтверждение:

*Я не прошу сказать мне «да»,
Я не прошу...
Я не прошу дарить тепло,
Я сам дарю.
Тебя за то, что мы — одно,
Благодарю.*

Любовью живет лирический герой стихов Я. Шафрана, любовь он обретает в детстве, формируется и взрослеет с любовью, любовью логарифмирует мироздание, осознает любовь как мудрость и благодать.

*Я влюбился в тебя, когда мне было семь,
Когда прошлого нет и в помине.
Жизнь прошла, надо мною лишь прошлого тень,
Но тебя я люблю и поныне,—*

такое признание дорогого стоит. Не знаю, что почувствует женщина, к которой обращено это объяснение; не знаю, как и насколько трансформировалось с годами чувство лирического героя; знаю, что долголетие любви — синоним молодости души, даже и у человека, полагающего, будто «жизнь прошла».

Вообще, в лирическом мире Я. Шафрана явна временная оппозиция: уже отмеченное выше стремление остановить мгновение, замедлить его противостоит быстротечности, мимолетности длительных отрезков времени. «Жизнь прошла», «любовь промчалась стороной» — один из рефренов автора «Ностальгии».

Но текучесть бытия не отменяет наличия в нем констант, не подверженных временной коррозии и очень важных, определяющих для поэта. Напротив, именно неудержимый бег времени заставляет его вновь и вновь обращаться к «остриям смыслов», на которых, по выражению Гумилева, растянута ткань стихотворения. Такими зафиксированными наивысшими точками в художественном мире Я. Шафрана являются экспрессивное восприятие природы, рефлексия текущего момента и, разумеется, воспоминания о любимых людях. Мне в этом отношении наиболее близки стихи (которые можно было бы назвать циклом), посвященные светлой памяти Ольги Подъемшиковой, талантливого поэта, журналиста, человека, присутствия которого и по сей день не хватает тем, кто ее знал. Поразило меня стихотворение «Где ты?» с подзаголовком: «К 10-летию гибели в огне пожара Ольги Подъемшиковой». Вот отрывок:

*Где ты, где ты, певчая, сейчас?
А у нас зима последней пробы
Все метет, метет свои сугробы,
Пряча место, где пожар погас...*

Глубоко затаенная боль невозвратной потери легко читается за многоточием финальной строки. В другом стихотворении автор говорит: «И прошу у Бога я прощения, Словно в том пожаре виноват...» Как ценна эта вот, почти уже утраченная нами, способность почувствовать свою вину за то, в чем мы не виноваты! Сколь значима для общества способность индивида сопереживать чужим бедам! Да, боль иных потерь не изжить даже с годами, с десятилетиями. Но Я. Шафран с интимной искренностью переживает и чужую боль. Мы живем в мире, где смерть, страдания, притеснения сопровождают род людской постоянно и повсюду. Лирический герой поэзии Шафрана открыт этому яростному миру, духовно отзывчив на все, происходящее на планете:

*Опять пожары, взрывы, взломы,
Аварии, террор, обман,
И следом, этими влекомы,
Разврат, насилие, дурман...*

Всем памятна устроенная террористами авиакатастрофа над Синаем, унесшая жизни наших соотечественников, среди которых были и дети, возвращавшиеся с египетских курортов. Вся страна сопереживала жертвам, их родственникам. Не мог смолчать и Я. Шафран, откликнулся проникновенными строками:

Там, над Синайской пустыней, взорвалось

Красным по желтому сердце мое.

Немного нынче поэтов, чье сердце взрывается болью в ответ на боль других. Но только таких и можно называть поэтами. Я. Шафран сердцем, душой всегда там, где беда, где людям требуется поддержка и защита. С первых дней гражданской войны на Донбассе тульский автор своими строками (как поэтическими, так и прозаическими) поддерживает свободолюбивое «шахтерское племя». Для него эта война — продолжение всех войн, которые вел наш народ за справедливость, за право самому распоряжаться своей судьбой. «Но еще беспокойно душе, словно беды / Еще длятся, и долгая длится война»,— пишет автор «Ностальгии». Для него Русский мир — понятие вполне конкретное, близкое духовно, да и биографически близкое. Поэтому так прочувствованно звучат строки, которые могли бы стать девизом и Русской весны, и Новороссии, действующего Союзного государства России и Белоруссии, и будущего гармоничного сосуществования трех братских восточнославянских народов:

*Только вместе, и только ввысь
Русь Великая с Малой и Белой!*

Стоит ли добавлять, что пафос многих стихов Я. Шафрана искренне патриотический? Родившись в Беларуси, сопереживая Украине, он — русский человек: «Мне мила страна родная: / Веси, села, города». И как подлинный сын своей страны, поэт страдает от тех несправедливых обид, которые наносят Родине многочисленные коварные вороги:

*Россия, за что на тебя вдруг свалилась
Сплошная немилость? Зачем? Отчего?*

Вопросы, конечно, риторические. Мы знаем, почему и как стремятся сдержать Россию. Знаем и то, каким должен быть русский ответ на попытки сдерживания. Один из вариантов ответа, в частности, дает Я. Шафран своей книгой. Русский путь — это постоянный труд, это творчество. Это развитие. Это приращение смыслов нашего бытия, в том числе и через поэзию. Это любовное, братское отношение к каждому соотечественнику, к народу в целом.

«Моя семья — моя страна. Так чувствую и тем живу я»,— пишет Я. Шафран. И когда читаешь это, завидуешь ему. Понимаешь, что, сколь бы ни тяжела была жизнь, автор этих строк по большому счету счастлив. Счастлив, в том числе, и умением любовно относиться к своей малой родине. Много лет живя в Туле, Я. Шафран полюбил наш город, осознал его своим. Непростая судьба у Тулы, непростой у нее характер, ох, непростой. Наверное, могла бы... Да нет: должна была бы она быть внимательнее, добрее к своему гражданину, кующему не металл, а стихи, изощряющемуся не в подковывании стальной блохи, а в поиске поэтических тропов. Должна бы, но... Впрочем, что уж тут распространяться! Но Я. Н. Шафран, много стихов посвятивший Туле, всякий раз возвращающийся в свой город с особым чувством, не в обиде. Он Тулу любит, он понимает, он жалеет свой город:

*Ему бы выходной,
Расправить свою спинушку,
Но снова день-деньской
Все трудится, старинушка.*

Город-трудяга подчас суров, подчас грубоват. Но, честно говоря, с таким проще, чем с франтом, прячущим за деланной улыбкой равнодушие или даже злобу. С про-

стыми рабочими парнями надежнее, поскольку понятен их дух, виден их стержень, который, может быть, чуть искривлен обстоятельствами, но при случае легко отгибается, поскольку скован верно, по замыслу, поскольку «... купола / Церквей прощенья золотом, / Спасая нас от зла, / Горят над нашим городом».

И тут самое время сказать о том, что еще движет пером Я. Шафрана: о вере, о православии.

Естественна и, видимо, необходима в лирике тема Бога, и пути человека к Богу, и обретения религиозного сознания. Давно освоено в отечественной поэзии жанр стихотворной молитвы. Всем прекрасно известны традиции и народных духовных стихов, и научно-религиозного поиска Ломоносова, и религиозно-философского мирозерцания Державина, и обращенных к Создателю строф Пушкина, Лермонтова, Блока. Жива традиция и ныне. Правда, к сожалению, современные авторы, раскрывая свои религиозные переживания, зачастую либо сбиваются на умиленно-восторженный лепет, вторичный и по отношению к молитве, и по отношению к стиху, либо останавливаются на утомительном перечислении религиозных символов, ярких и многозначных самих по себе, но не добавляющих ничего в копилку духовности. У Шафрана иначе. Он не тратит свои строки на описание золотых куполов, березок у храма, колеблющегося светового пятна лампы пред иконой. Все это было бы поверхностно и мелко для означенной темы. Я. Шафран рассматривает духовный импульс своей души так же, как это было присуще нашим предкам со времен Древней Руси: религиозность разлита повсюду, она не является отдельной темой творчества, она одухотворяет собой все. Божественна красота природы, божественны проявления высоких чувств, божественна любовь к родине, и в земной любви, в любви порою грешной, искра Божья присутствует как изначальный импульс. Потому все рассмотренные нами выше особенности творчества Я. Н. Шафрана (как и особенности его личности) исходят из его религиозного сознания, давно укорененного и многократно проверенного перипетиями жизни и творчества. Потому так веришь следующим словам автора, которые можно считать его жизненным девизом:

*Ни дня, ни часа, ни минуты
Без слова, строчки, без мольбы.*

Таких людей, таких поэтов катастрофически не хватает сегодня. Катастрофически не хватает популяризации такого творчества, такого взгляда на жизнь, такого отношения к действительности. Но это уже о нас сегодняшних, о нашем обществе, а не о поэте Я. Шафране. Его стихи останутся прежними, несмотря ни на что. И нам остается пожелать поэту новых творческих свершений, крепости телесной и бодрости духовной. Кредо Я. Н. Шафрана он сам выразил так:

*В каждый стих, рассказ и строчку
Я несу любовь свою...*

Пусть же ему на жизненном пути чаще встречаются люди, способные оценить эту открытость, эту добровольно принятую на себя беззащитность, этот ясный взгляд на мир, это стремление дарить окружающим стихи — красивые слепки души.

*Игорь Карлов,
г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт*

